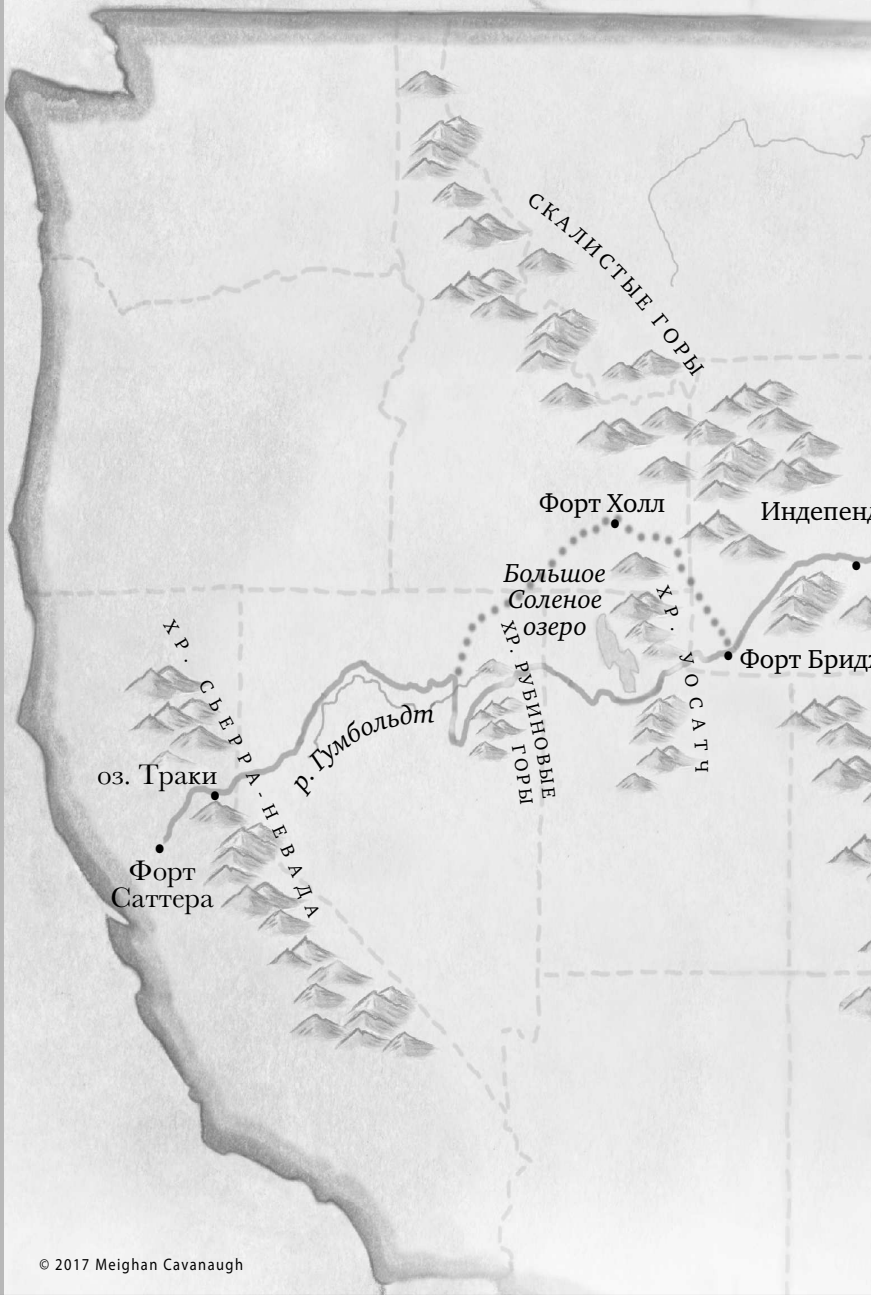
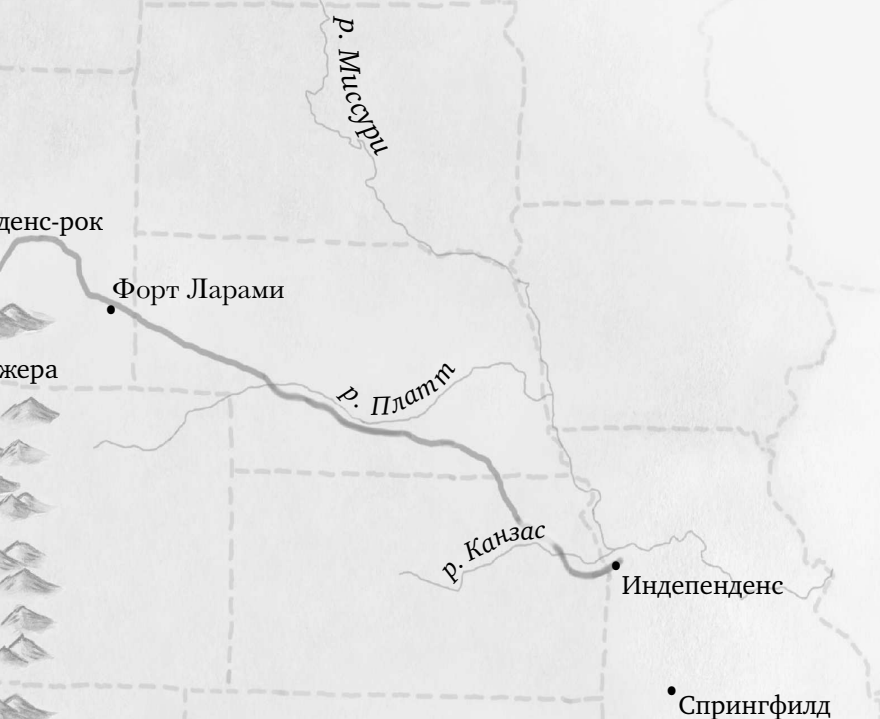

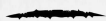
Моему мужу, Брюсу.

Маршрут партии Доннера (1846-47 г.)

Условные обозначения

— Маршрут партии Доннера

..... Калифорнийская Тропа

Пролог

АПРЕЛЬ 1847 г.

Такой скверной зимы, одной из худших зим в этих краях, из местных не мог припомнить никто. Зима согнала с гор часть индейских племен, пайютов и мивоков. В горах не стало дичи, и, подгоняемые неотступным голодом, краснокожие оставляли за собой по пути голые плечи стоянок, испещренные ничем не пахнущими, черными, будто пустые глазницы, пятнами угасших костров.

Двое-трое из этих пайютов принесли весть о попавшемся им на глаза обезумевшем белом, ухитрившемся пережить эту богопротивную зиму и, будто призрак, скользившем по льду замерзшего озера.

Сомнений быть не могло: это один из них, малый по имени Льюис Кезеберг, последний из поселенцев, переживших невзгоды, постигшие партию Доннера. На поиски Кезеберга, дабы, по возможности, вывести его из глуши живым, выслали отряд спасателей.

Была середина апреля, однако лошади вязли в снегу по грудь. Пришлось отряду оставить их на ближайшем ранчо и двигаться дальше пешком.

Достигнув холодного, пустынного, продуваемого всеми ветрами горного гребня, спасатели еще три дня шли вниз, к озеру. Обычно весна приносит с собою топкую грязь, уйму грязи, однако здесь, наверху, еще не миновала зима, укрыв-

шая землю плотным белым покровом. Доверия он, этот покров, не заслуживал: снег прятал от человеческих глаз раселины, круглые обрывы, хранил множество тайн. Думаешь, будто ступаешь по твердому, но подожди чуток — и уступ под ногами подается, рассыплется, рухнет вниз.

Спуск оказался куда труднее, чем ожидалось: скользкий, пропитанный влагой снег то и дело проседал, исполненный некоего потустороннего стремления похоронить в себе весь отряд.

Чем ближе спасатели подходили к озеру, тем темней становилось вокруг. Кроны высоких деревьев заслоняли пики гор, преграждали путь лучам солнца. Судя по отметинам на деревьях — обломленным веткам, ободранной на высоте тридцати, а то и сорока футов коре, снега за зиму навалило — страсть. В окрестностях озера царила жутковатая тишина. Ни звука: ни птичьих трелей, ни плеска сажающихся на воду уток — ничего, кроме собственных шагов, тяжелого дыхания да хруста тающего снега под сапогами.

Первое, что они заметили при виде тумана над озером, оказалась вонь: все вокруг провоняло падалью. Стоило отряду подойти к берегу, густой дух тления, разложившейся плоти, смешанный с ароматами сосновой хвои, превратил воздух во что-то тяжелое, вязкое, липкое. Казалось, отовсюду: с небес, от воды, из-под земли — веет резким, железистым запахом крови.

Спасателям рассказывали, что уцелевшие жили в заброшенной лесной избушке и двух шалашах, один из которых соорудили под боком огромного валуна. Избушку, пройдясь вдоль берегов озера, покрытого легкой рябью, затянутого полупрозрачной, ленивой пеленой тумана, отыскали довольно быстро. Избушка стояла чуть на отшибе, посреди небольшой прогалинки. С виду внутри, определенно, не было никого, однако спасатели никак не могли избавиться от ощущения, будто они не одни, будто в избушке их кто-то ждет, совсем как в сказках.

ГОЛОД

Дурные предчувствия охватили всех до единого. Противоестественный запах вгонял в дрожь, заставлял боязливо ежиться. Не торопясь, подняв ружья, спасатели подошли к избушке поближе.

В снегу у крыльца обнаружилось кое-что неожиданное.

Карманный молитвенник с закладкой-ленточкой, трепещущей на ветру.

Россыпь зубов.

Нечто вроде обглоданного дочиста человеческого позвонка.

Дурные предчувствия прихлынули к самому горлу, подступили к глазам изнутри. Кое-кто из спасателей наотрез отказался сделать еще хоть шаг. Прочие остановились прямо напротив двери. Рядом с дверью, прислоненный к наружной стене, стоял топор.

Вдруг дверь сама собой отворилась.

ИЮНЬ 1846 г.

Глава первая

С добрым чистым бритьем для Чарльза Стэнтон не могло сравниться ничто на свете. В то утро он брился напротив большого зеркала, привязанного ремнями к борту фургона Джеймса Рида. Вокруг во все стороны рябящим под дуновением ветерка одеялом простиралась прерия, многие мили нетронутой бизоновой травы — только красноватый пик Чимни-рок, высившийся вдали, торчал над нею, будто солдат на часах. Если сощуриться, обоз поселенцев выглядел, словно игрушечные тележки, разбросанные каким-нибудь малышом по огромному, бескрайнему ворсистому полувику — поистертому, изветшавшему, тянущемуся в никуда.

Повернувшись к зеркалу, Стэнтон приставил лезвие к шее под подбородком и вспомнил одну из любимых присказок деда: «Злодей да хитрец, подобно Люциферу, прячется за бородой». Многие из знакомых Стэнтон с радостью довольствовались как следует отточенными ножами, а кое-кто соскребал щетину со щек даже топориком, но сам он ничего, кроме настоящей бритвы, не признавал. И прикосновения холодного металла к горлу ничуть не страшился — наоборот, Стэнтону оно вроде как даже нравилось.

— Тщеславия я за тобой, Чарльз Стэнтон, прежде не замечал, — раздалось позади, — но если б знал тебя малость похуже, непременно задумался бы: уж не любишь ли ты самим собой?

К Стэнтону с жестяной кружкой кофе в руке подошел Эдвин Брайант. Однако улыбка его тут же угасла.